

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА САМОСОЗНАНИЕ МОРДВЫ

ШКОЛКИНА Ирина Николаевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), shkolkinain1971@gmail.com

Введение. Актуальность статьи определяется тем, что сегодня традиционная, самобытная, неповторимая мордовская культура с ее оригинальными материальными и духовными ценностями попадает под влияние глобализации, противостоять которой следует взвешенно. Цель исследования – изучить последствия глобализации для мордовской культуры. Объектом исследования является самосознание мордвы, предметом – влияние на него глобализации.

Материалы и методы. Для определения степени воздействия глобализации на этническое самосознание мордвы было проведено социологическое исследование, субъектами которого стали студенты I курса Института национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва. Чтобы оценить их этническую идентичность, использовались тест «Этническая аффилиация» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой, методика Дж. Финни, приемы классификации этнического самосознания В. Ю. Хотинца. Причины относительно низкого уровня этнического самосознания у студентов выявлялись с помощью аналитического метода исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучив историю мордовского этноса, мы выяснили, что с ним происходили разные метаморфозы – от коренизации до русификации. Последняя оказала серьезное влияние на родной язык мордвы. Уже до начала глобализации нация попала под удар интеграционных процессов. Они были приостановлены после распада СССР, в частности вернулся билингвизм, были созданы правовые основы для сохранения национальной специфичности культуры. Сейчас важно направить развитие мордовского этноса по пути глокализации.

Заключение. Процесс глобализации, изменяя парадигму развития человечества, провоцирует неоднозначные реакции у представителей мордовского этноса – от этноэгоизма, этноизоляционизма до этнонигилизма и национальной индифферентности. Нужна национальная идея, способная пробудить чувства патриотизма и гордости за свой этнос. Должна быть сделана ставка на глокализацию Мордовии и превращение ее в трансграничный регион.

Ключевые слова: глобализация; массовая культура; этническая идентификация; этническое самосознание; национальный дух; менталитет; мордовская культура; языковая картина мира; глокализация.

Для цитирования: Школкина И. Н. Влияние глобализации на самосознание мордвы // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 107–124.

Введение

Слова Густава Фрейтага: «В душе каждого человека есть миниатюрный портрет его народа» [39, II] выступают приоритетным тезисом, красной нитью, связующей разные аспекты заявленной темы: геополитический, социально-экономический, правовой, морально-этический. Данное высказывание есть напоминание каждому, что мы не просто дети своих родителей, но имеем национальность, и, следовательно, должны в условиях набирающего темпы процесса глобализации сохранить самобытную культуру, которая в дальнейшем вполне может стать одним из ключевых факторов превращения региона в глобализированный район (по К. Омаэ).

Цель исследования – изучить последствия глобализации для мордовской куль-

туры. Она может быть достигнута посредством решения задач: 1) определения степени как негативного, так и позитивного воздействия данного необратимого процесса на ментальные и поведенческие проявления представителей этноса, особенно молодежи; 2) всестороннего анализа сложной и многоаспектной проблемы интеграции народностей и наций в глобализированный мир; 3) выработки стратегии предотвращения депопуляции мордовского этноса, а также встраивания России и Мордовии в мировую глобальную модель устойчивого развития.

Актуальность статьи определяется тем, что, хотя политики, историки, ученые и общественные деятели много говорят о необходимости сохранения специфично-

сти культуры мордовского этноса, конкретных мер они не предлагают. Между тем становится насущным создание национально-культурных проектов, лояльных и гибких программ безболезненного вхождения мордвы в формирующееся единое пространство с учетом того, что в реальных политических, экономических, социальных практиках процессы глобализации принимают четкую региональную форму, которая может усиливать интеграционный эффект или, наоборот, ослаблять его.

Сегодня неповторимая культура, свойственная только данному этносу, с ее оригинальными материальными и духовными ценностями, традициями, обычаями, укладом, попадает под влияние глобалистики, подменяется, и позднее, возможно, будет полностью заменена массовой культурой. Однако особенности народной культуры являются главным этнодифференцирующим признаком, и если мы не начнем хранить, а иногда и восстанавливать ее утраченные отдельные элементы, то рискуем превратиться в дерево без корней. Не надо забывать о том, что корни не только дают жизнь растению, но и укрепляют почву, поэтому сберечь родную Землю – значит сохранить ее корневую систему.

Этносам следует грамотно, эффективно и взвешенно противостоять глобализации, сделавшей ставку на массовую культуру. Не стоит изолировать себя от внешнего мира. Все народы, даже самые развитые, находятся сегодня под влиянием процессов интеграции, эклектики, унификации. Тем не менее допустить утрату культурного своеобразия нельзя. Быстро деэтнизирующий Запад – урок, который должен быть усвоен русской нацией и составляющими ее этносами.

Мордва не против общественного прогресса, но она сопротивляется (пока еще) регрессу этнокультур. Понятны всеобщая и сплошная унификация в сфере техники и технологий, стандартизация розеток и телефонов, но не должны и не могут быть одинаковыми обычай и традиции, обряды и ритуалы, песни и танцы, костюмы и головные уборы.

Основные категории, на которых построена статья, – «глобализация» и «этнос», поэтому обзор литературы строится на их дефиниции. Существование глобализации как явления не вызывает сомнений и не оспаривается. Однако определение ее понятия представляет немалые научные трудности, так как обстоятельства и процессы, охватываемые им, обозначают порой различные феномены. Так, М. Ю. Шинковский отмечает: «В основе обыденных суждений о глобализации лежит представление об объединяющейся и интегрирующейся земной цивилизации, охватывающей в своей экспансии все земное и околоземное пространство, преодолевающей в силу этого различного рода границы культур, государств, социальное неравенство, а также расстояние в чисто физическом смысле» [44, 66].

Вопрос влияния глобализации на миропорядок вызывает живой интерес исследователей уже не одно десятилетие. Осознание того, что человечество вступило в эпоху глобализма, началось на рубеже 1950–1960-х гг. с докладов Римского клуба и в дальнейшем было реализовано экологами. Затем в обсуждение включились экономисты, которые первыми заговорили о связи глобализации с международными отношениями, обратив внимание на то, что обороты транснациональных компаний превысили валовой внутренний продукт (ВВП) большинства государств. После этого в международной жизни утвердились новые центры принятия решений и практической власти, способные влиять на правила игры на мировом уровне.

В научный оборот термин был введен в 1983 г., когда «Гарвард бизнес-ревью» опубликовало статью Т. Левита, в которой автор назвал глобализацией факт слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными компаниями [2]. Распространение данное понятие получило благодаря американскому социологу Р. Робертсону, автору труда «Дискурсы глобализации: предварительные размышления» [30], и япон-

скому ученому К. Омае, посвятившему этому феномену ряд работ, в частности «Упадок национального государства: становление региональных экономик» [27] и бестселлер «Мир без границ».

К концу 1990-х гг. глобализация приобрела новые черты, размежевав мир на центр и периферию. Именно к этому времени оформились основные глобалистские концепции. Их анализ дает абсолютно противоположные рекомендации в вопросах выбора стратегии развития, отношений с внешним миром, этнической самоидентификации. Дискуссии, начавшиеся во 2-й половине XX в., приобрели сегодня еще большую глубину из-за непримиримости мнений о природе явления, высказываемых различными авторами. Е. В. Болотина отмечает, что изучение глобализации в зарубежной и российской историографии может быть сведено к трем направлениям: революционному, эволюционному и антиглобализму [7].

Революционный глобализм, или гиперглобализм, распространен в среде политиков и бизнесменов, рассматривающих его как успешный вариант общественного развития по западной модели. К гиперглобалистам можно отнести К. Поппера, Ф. Фукуяму, З. Бжезинского, Дж. Сороса и др. В работе «Конец истории и последний человек» под «концом истории» Ф. Фукуяма понимает завершение общественно-формационного развития, обоснованного идеологами марксизма [41]. Венцом человеческих устремлений в области общественного прогресса, по нему, выступает либеральный капитализм, каким он представлен в США. Опасения в отношении американизации у автора вызывает только конфуцианская Азия (особенно Китай).

Эволюционные глобалисты, или трансформационалисты, оценивают современную форму глобализации как исторически беспрецедентную, несравнимую ни с каким иным порядком. Наиболее яркими представителями этого направления за рубежом считаются У. Бек, Дж. Стиглиц, в России – Н. М. Мамедов, В. Толстых, Х. А. Барлыбаева, М. Г. Делягин, М. С. Горбачев, В. Л. Иноземцев. Многие

из них уверены, что традиционные концепции государственности медленно, но постоянно изменяются, причем в лучшую сторону, в частности Дж. Стиглиц пишет: «Сторонники глобализации утверждают, что она неизбежна, и рекламируют ее блага; противники ярко обосновывают в подробностях нежелательные последствия и требуют ее прекращения. Я же считаю, что у глобализации огромный потенциал улучшения жизни людей, в том числе и в развивающихся странах, и в некоторых аспектах это уже происходит – например, глобализация знаний привела к совершенствованию здравоохранения и продлению жизни» [35, 128]. В. Л. Иноземцев заключает: «Современная глобализация представляется процессом преобразования региональных социально-экономических систем, уже достигших высокой степени взаимозависимости в единую всемирную систему, развивающуюся на базе относительно унифицированных закономерностей, глобализация представляет собой превращение ряда обособленных мирохозяйств в мировую экономику» [18, 82–83]. На подобных позициях стоят М. Г. Делягин [16] и Н. М. Мамедов [25].

Большинство людей в мире относятся к глобализации скептически, выступают с прямой или косвенной критикой ее теории и практики. Антиглобалисты видят в ней распространение западного модернизма, а мировую интернационализацию рассматривают в качестве побочного продукта расширяющегося американского господства. По их мнению, глобализация ведет к унификации жизни на основе единых либеральных ценностей путем навязывания другим обществам стереотипов мышления и поведения развитых индустриальных стран. Она есть вестернизация, беспощадно врывающаяся в сферу взаимоотношений между цивилизациями. Так, В. И. Самохвалова определяет глобализацию, как «...хорошо продуманный, целенаправленный, с умыслом запущенный и умело осуществляемый проект переустройства мира в интересах узкой группы лиц – “новой глобальной элиты”, а также конкретного госу-

дарства – США» [31, 118]. А. С. Панарин интегрирующим фактором, связующим судьбы народов и готовящим единую историческую перспективу человечеству, признает политику: «...мир глобален в смысле объективной взаимозависимости народов; он несравненно менее глобален в смысле субъективной политической готовности действовать сообща, на основе добросовестной партнерской кооперации решать глобальные или мировые проблемы» [29, 319].

Человечество в результате глобализации становится все более тесным, взаимозависимым, и – однотипным. Идеология глобализма враждебна любой традиции, а потому идеи экуменизма и утраты национального суверенитета воспринимаются как деградация основ общественного бытия. Только сохранение этносов с их самобытной культурой может противостоять тотальной унификации, обезличиванию, превращению людей в биомассу.

Этнос – сложный для исследования объект, так как его изучение предполагает анализ совокупности разных, но взаимообусловленных сторон: от специфического исторического пути, оригинальной культуры, верований и морали до особенностей языковой картины мира, своеобразной концептосферы каждого понятия, использовавшегося в разговорной речи той или иной народности. Что же касается вопроса о влиянии глобализации на национальную культуру, то здесь возникает множество противоречивых, порой антагонистических точек зрения из-за его актуальности и дискуссионности.

Многие ученые указывают, что в содержании дефиниции «этнос» важную роль играет культура. Например, Ю. М. Бромлей характеризует этнос «...общими, относительно стабильными особенностями культуры» [9, 124]. Н. Г. Юрчёнкова утверждает: «При определении генезиса и самоидентификации этноса культурная парадигма служит приоритетной составляющей» [46, 3]. По мнению Н. Н. Чебоксарова, «...этническое самосознание... оказывается решающим для определения принадлежности отдельных лично-

стей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действия всех основных факторов, формирующих этническую общность, при этом культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов» [43, 99].

В области теории этносов серьезных результатов достигла этнографическая наука – определена иерархия признаков этнического объединения. Они разбиты на две группы. К первой причислены объективные факторы, обуславливающие зарождение этнических отношений и сознания. К ним В. Ф. Генинг относит единство социально-экономической структуры и общность территории. Признаки второй группы, по его мнению, являются производными, возникающими в процессе развития этноса; они характеризуются конкретностью содержания. Именно их можно считать подлинно этническими, так как они отражают реально существующие различия между отдельными народностями, выделяя каждую из них среди других [13, 23].

Много споров возникает по поводу национального языка. Л. П. Лашук считает его условием формирования этнической общности и относит к объективным факторам [24]. В. И. Козлов – рассматривает и в качестве предпосылки возникновения этноса, и как результат его развития [20]. Большинство же исследователей настаивают на том, что язык – вторичный признак. Мы считаем язык не этноформирующим, а этноидентифицирующим началом.

В условиях нарастающей угрозы национальной депопуляции важно сохранить родной язык. Как утверждают Ю. Д. Апресян и В. Ю. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязатель-

ной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ отражения действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [1, 74]. Следовательно, наличие оригинального языка – главный идентификационный признак специфичности любого этноса.

Мордовская культура неповторима. Краеугольным камнем космогонии этноса являются представления о возникновении из воды мира, именуемого *Мастор*. Вода как исходное состояние всего существующего обозначается терминами *Ине ведне*, *Поки ведне* (букв. «Великая вода», «Большая вода»). Демидургом, творцом мира, выступает *Поки нармунь* «Великая птица», ныряющая на дно первичного океана и поднимающая оттуда землю. В образе Мирового дерева воплощена так называемая концепция многоступенчатой Вселенной. Ни в одной мифологии мира нет столько женских божеств: *Куд ава* «Хозяйка дома», *Ведь ава* «Хозяйка воды», *Вирь ава* «Хозяйка леса», *Варма ава* «Хозяйка ветра», *Тол ава* «Хозяйка огня» – и это лишь малая часть женских образов пантеона мордвы. Мордовская мифология многократно становилась объектом исследований в кандидатских и докторских диссертациях. Понять ее – значит проникнуть в душу народа, в энергию, которая делает жизнеспособным все «этническое тело». Неслучайно В. Вундт называл мифологию «народной психологией» [11, 11].

Появление слова – величайшее достижение человечества, так как оно не просто звук, сопровождающий некое явление, но заменяет его, становясь самостоятельным событием. Слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно отражают и формируют образ мышления. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся. Как специфичен язык каждого этноса, точно так же оригинальна концептосфера любого этноспецифичного понятия, будь то «совесть» или «долг». На это обращает

внимание Р. А. Кудрявцева и отмечает, что аксиологические аспекты и нравственно-этические составляющие духовной культуры наиболее очевидны на уровне концептосферы [22].

Действенным инструментом для постижения духовных и морально-этических концептов этноса являются не только его мифологические сюжеты, но и сказки, а также произведения национальной литературы. По убеждению Клариссы Пенколы, «сказки приводят в движение внутреннюю жизнь. А это особенно важно, когда она запутана, стеснена или загнана в угол. Сказка смазывает петли и засовы, вызывает прилив адреналина, указывает выход – наружу, вверх, вниз или к нашей беде» [49, 33]. Мордовские сказки воссоздают языковую наивную картину мира и отражают архитипические представления народа о добре и зле, пользе и вреде, справедливости и несправедливости. Язык, на наш взгляд, служит главным «первообразным орудием» мифологического мировоззрения и народных сказок.

Забвение национального языка и культурной специфики – показатель того, что массовая культура благодаря глобализации успешно наступает. Многие социологи Запада утверждают, что в информационном обществе выживает лишь то, что востребовано массово, а именно стандартизированные продукты, потребителем которых становится человек-масса. Д. Белл определил понятие «масса» как воплощение стадности, унифицированности, шаблонности [4, 38]. Х. Ортега-и-Гассет, характеризуя человека-массу, пишет, что «...последний ощущает себя таким, как все, и не только не удручен этим, но и доволен подобной неотличимостью, для него жить – это плыть по течению, не сясь перерасти себя» [28, 17]. Заметим, что Э. Фромм представлял основную проблему современного человека как «равнодушие к самому себе» [40, 31].

В 1969 г. увидела свет книга А. Печчеи «Перед бездной» [55], в которой высказываются опасения по поводу того, что макропроблемы угрожают человечеству и, следовательно, для его выживания и спасения планеты Земля необходимо объ-

единить усилия с целью совместного планирования будущего. Римский клуб предложил «Проект затруднений человечества», обосновывающий необходимость нового глобального моделирования общественной жизни и шоковой терапии. Лечение шоком, по мнению А. Печчеи, должно осуществляться количественной аргументацией, более понятной простому народу, чем рассуждения качественного характера.

В 1972 г. Римский клуб выступил с первым докладом «Пределы роста». Отчитываясь о проделанной работе, А. Печчеи с удовлетворением отмечал, что, если для завоевания Трои ахейцам понадобилось 10 лет, чтобы додуматься до уловки с деревянным конем, то Римский клуб в более короткий срок одержал первую победу в начавшейся битве, цель которой – превращение людей и народов в объект манипуляций. Правда, прикрывалось это призывами к землянам строить так называемый новый гуманизм, ценности которого А. Печчеи обосновал в книгах «Час истины», «Вперед пропасть», «Сто шагов в будущее. Размышления президента Римского клуба».

М. С. Горбачев, первый из российских лидеров после развала СССР, поддавшийся влиянию Запада, тем не менее, подчеркивает необходимость разграничения глобализации – объективного явления, обусловленного технологической революцией, и политики неолиберального глобализма, позволяющей США и странам «семерки» направлять этот процесс в собственных интересах [14].

По Х. А. Барлыбаеву, глобализация представляет собой многомерный, объективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества и в единстве с биосферой Земли; замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми стандартами; формирования однообразия взаимодействия и взаимобусловленности различных сторон жизни отдельных континентов, стран, народов и людей в рамках единого мира, в условиях распространения принципов свободы личности, а также открытости и

устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, этических, эстетических вариантов общения между людьми [3].

Какие бы доводы в обоснование и поддержку глобализации ни высказывали, этнической культуре она причиняет ущерб. Как верно писал Н. А. Бердяев, «...культура не может быть отвлеченно-человеческой, она... всегда национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общей человечности» [5, 44].

Материалы и методы

Поскольку одна из задач работы состоит в определении степени негативного и позитивного воздействия глобализации на самосознание представителей мордовского этноса, было проведено социологическое исследование, субъектами которого стали студенты I курса (45 человек) Института национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва. Студенчество традиционно и по праву рассматривается как наиболее передовая часть молодежи, интеллектуальное, культурное и нравственное развитие которой предопределяет перспективы развития общества на долгие годы вперед.

Объект исследования – этническое самосознание студенческой молодежи, вопрос о закономерностях формирования которого важен для правильного понимания ситуации. Необходимо было выяснить, как у студентов происходят процессы дифференциации (сравнение и нахождение отличий своего этноса от других) и категоризации (отнесение собственной этнической группы к определенной категории на основании этноформирующих и этноидентифицирующих признаков).

Для выявления уровня этнического самосознания нами использовались тест «Этническая аффилиация» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [32]; методика Дж. Финни [56]; приемы классификации этнического самосознания В. Ю. Хотинца, который выделил в нем следующие элементы: 1) осознание особенностей культуры этнической общности; 2) осознание психологических особенностей эт-

нической общности; 3) осознание тождественности со своей этнической общностью; 4) осознание собственных этнопсихологических особенностей; 5) осознание себя в качестве субъекта этнической общности; 6) социально-нравственная оценка этнической реальности [42, 112].

В результате тестирования выяснилось, что у большинства опрошенных низкая потребность в этнической принадлежности (53 %). Это свидетельствует о невысокой степени значимости национальности и наличии представления о равенстве всех культур. Данная часть молодых людей считает национальные и этнические проблемы менее актуальными, чем вопросы кибератак, терроризма, ядерной опасности. 27 % респондентов испытывают потребность в этнической идентификации. 8 % испытуемых могут быть отнесены к группе этнонигилистов; они отходят от собственной этнической группы, ищут устойчивые социально-психологические ниши по иному критерию. Не определились с этнической принадлежностью 12 % студентов, что говорит об их национальной индифферентности.

Относительно диагностики влияния глобализации на этническую идентичность, а также на ее трансформацию в условиях межэтнической напряженности статистика следующая. У 32 % опрошенных наблюдалось сочетание позитивного взгляда на родной этнос с нормальным отношением к другим народностям. 12 % испытуемых проявили этноэгоизм, правда, в безобидной форме: есть корреляция «мой народ» и «другие», но не предполагается, что собственный этнос будет решать проблемы за чужой счет. 8 % убеждены в превосходстве своего этноса, признают необходимость «очищения» национальной культуры, стоят на позициях этноизоляционизма, особенно негативно относятся к интернациональным бракам, в частности к тем, что заключаются с трудовыми мигрантами и иностранными студентами (своеобразная форма ксенофобии). Некоторые молодые люди (их единицы) продемонстрировали этнофанатизм, признание приоритета

этнических прав над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие собственного этноса.

С помощью методики Дж. Финни было выяснено, что у 25 % опрошенных выражен когнитивный компонент этнической идентичности (наличие знаний о своей этнической группе и ее культуре, осознание себя ее непосредственным членом, принятие участия в жизни группы и взаимодействие с ее членами); у 75 % – аффективный компонент (оценка качеств группы, эмоциональное отношение к группе, важность включенности / невключенности в нее).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что у опрошенных уровень этнического самосознания ниже среднего. Этническая идентичность во многом зависит от того, какой компонент (когнитивный или аффективный) более выражен. К глобализации молодежь относится, скорее, положительно, особенно в части развития коммуникативных и информационных технологий. У большинства студентов наблюдались этническая толерантность, оптимизм относительно будущих межэтнических отношений и готовность к такому взаимодействию. Сохранением специфической, во многом уникальной мордовской культуры обеспокоена лишь четверть респондентов. Для выявления причин подобного состояния дел использовался аналитический метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Глобализация – экономическая, технологическая, финансовая и культурная интеграция человечества, нацеленная на создание единого мирового социума с унификацией всех сторон жизни. Она быстро преобразует, делает скудным удивительно богатое многообразие этнокультур. Под влиянием глобализации любая национальная культура подвергается трансформации, утрачивая традиционно-этническое содержание. Стирание своеобразных этнических качеств по мере развития естественно. Однако в нормальных условиях данный про-

цесс протекает относительно медленно, имеет эволюционный характер, а в условиях глобализации он ускоряется. В связи с этим О. Ю. Тургенева отмечает: «Общество, которое на протяжении всего существования стимулировало и поощряло конформный способ социального бытия, поддерживало поведение, отвечающее нормам доминирующей культуры, сегодня не может воспроизводить эту столетиями отработанную, испытанную временем схему. Трансформации, происходящие в современном социуме (глобализация, информатизация и т. д., а также связанные с этим тенденции движения общества к более “открытому” состоянию, рост социальной и географической мобильности граждан, перемены в социальной стратификации и др.), приводят к омиранию» [38, 145].

У любого явления общественной жизни есть как исторические предпосылки, так и современные реалии. Чтобы разобраться в вопросах: что было, стало и будет с мордовской культурой? грозит ли этносу депопуляция? – необходимо погружаться в изучение разных аспектов проблемы влияния глобализации на самосознание мордвы.

А. Кирпичников отмечает, что исторические судьбы уральских народов, в том числе мордвы, тесно связаны с Русью. Из летописей известно, что Древнерусское государство возникло в 862 г. Оно создавалось «...как своеобразный союз славянских и уральских (а точнее восточно-финских племен) при непосредственном участии варягов, когда князь Рюрик “придоша к словенам”, основал политический центр нового государства, “срубиша город Ладогу”» [19, 73].

Далее мордва шла тем же историческим путем, что и Российское государство. По словам Т. Г. Стефаненко, «...жизненное пространство, в котором формировалась ментальность народов Поволжья, представляло культуру компактного общинного проживания разноязычных этносов. Подобный уклад являлся необходимой формой выживания в суровых климатических условиях Евразии. В то время как в Европе развивалось машин-

ное производство, в крестьянской России продолжал преобладать ручной труд. Работали сообща, экстенсивно с привлечением больших масс людей: всем миром строили избу молодоженам и погорельцам, осваивали новые земли, а на деревенских сходах решали не только общинные проблемы, но и семейные, личные» [33, 174]. Конечно, родоплеменное своеобразие имело место, однако обособление родов и племен, переходящее в регулярные конфликты из-за территории и притязаний на власть одних групп над другими, отсутствовало. Взаимодействие этнокультур подкреплялось не только в связи с необходимостью торговли, но и потребностью в переносе вещественных и духовных ценностей. Происходили кросс-культурные процессы, обогащающие, но не унифицирующие, не стандартизирующие этнокультуры.

Собственную государственность уральские народы России получили в разное время. 6 декабря 1917 г. правительство большевиков признало независимость Финляндии; в 1920 г. – Эстонии; в это же время были созданы Карельская трудовая коммуна и Марийская автономная область; в 1921 г. – основана Коми автономная область и лишь в 1930 г. – Мордовская автономная область. При построении этнических автономий не обошлось без перегибов, одним из которых можно назвать политику коренизации, суть которой состояла в замене в системе управления, в образовании, институтах культуры иноэтничных специалистов на представителей коренных народов (в прибалтийских республиках, Карелии, отчасти в Мордовии). В 1930-е гг. данная политика была отвергнута.

В 1950-е гг. в СССР политическая элита пришла к пониманию того, что государственное единство не может успешно укрепляться, если культурные группы населения будут обособлены. Следовательно, было необходимо найти формулу, в рамках которой они смогут интегрироваться в единое сообщество. Безусловно, концепция новой исторической общности оказала существенное влияние на развитие этнических групп и усилила

процессы унификации и интеграции внутри российского общества.

Финский социолог Сеппо Лаллукка, изучая финно-угров, пришел к такому выводу: «История подтверждает, что восточно-финским народам присущи как ассимиляционные, так и плюралистические ценности и стремления. Так, с одной стороны, большое число их представителей более или менее сознательно восприняли обрусение как свою цель, т. е. они желают абсорбироваться в большое общество, хотят, чтобы к ним относились просто как к индивидам. Устремленная на ассимиляцию группа людей хочет быть полностью воспринятой доминирующей группой с последующим слиянием в большое общество. С другой стороны, имело и продолжает иметь место стремление к этническому возрождению» [23, 304].

Русофобы утверждают, что русские ассимилируют другие народы. Однако Ю. М. Бородай рассматривает ситуацию иначе: «Ядро нации, как правило, составляет самый развитый этнос, будучи сильнейшим среди окружающих, он на пути национального строительства вынужден, причем сознательно, двигаться по пути этнического самоотречения. В конечном счете, после удачного завершения “национальной стройки” от самого этноса-создателя в качестве памятника может остаться лишь этноним, ставший именем нации, и специфическая семантика общенационального языка» [8, 321–322].

Поскольку исходную установку современной русской нации составляет строительство надэтнической государственности, то сам этнос-создатель (русский народ) подобен «библейскому зерну». Чтобы прорасти и умножиться, «само зерно должно умереть». Объединившиеся вокруг ядра нации этносы до последнего будут бороться за свою «особость» (и это правильно), отстаивать право на свой, данный природой нрав, и их всех надо «простить и полюбить», приняв и утвердив, по мере возможности, многообразие их этнических претензий, конечно, в разумных пределах, очерченных общенациональным государственным инте-

ресом. Эту способность русских понять и принять чужое этническое своеобразие Ф. М. Достоевский называл «всечеловечностью», а Л. Н. Гумилёв – «комплиментарностью» [15].

Дж. Хьюз отмечает: «Выживание Российской Федерации является исключением по сравнению с другими полиэтническими федерациями эпохи коммунизма в Европе. Это объясняется наличием унаследованных структурных ограничителей, приведших к созданию стабилизирующей частично ассиметричной системы федерализма, которой удавалось справиться с наиболее серьезными случаями проявлений этнической мобилизации» [52, 37].

Однако в теоретическом дискурсе достаточно распространен «утилитаристский подход», согласно которому в России «есть федерация, но нет федерализма». Многие западные аналитики считают федерализм российского образца «квазифедерализмом», или вытесненным «традиционным централизованным государством». Именно в таком ракурсе разрабатывается «инструментальная» (или «технологическая») модель российского федерализма, в которой последний рассматривается через призму прагматично-рациональной заинтересованности элит. А. Хайнемен-Грюдер интерпретирует официальную концепцию федерализма как «...сугубо функциональную форму отношений внутри администрации», а также как «...тактическую и временно необходимую уступку “неуемным” этническим элитам» [51, 54].

Эскалация сепаратистских настроений, связанная с институционализацией крайних форм региональной политической субъектности в рамках общего государства, нередко выражается в экстремистской деятельности. Когда этнические элиты используют идею специфичности, а порой исключительности их этносов, этот процесс рискует перерасти в стремление к реализации права на политическое самоопределение (превращение этноса в нацию), что не сулит российскому обществу ничего хорошего (вспомним хотя бы чеченский конфликт).

Весьма оригинально формировали национальную идею США. Е. Латвак подчеркивает, что строительство нации в Америке уникально: «...американское общество, в отличие от многих других, было основано на идеях, а не национальной культуре и этнической солидарности» [53, 11]. Известно, что в определенное время Америку составляли конфедеративные штаты. Несмотря на совместные усилия в борьбе против метрополии, единства языка и исторического прошлого, колонии демонстрировали чрезвычайную независимость друг от друга. Каждая имела свои традиции, экономические и политические приоритеты, мешающие сближению штатов. Как говорил Дж. Адамс, «моральный дух бостонцев выше, манеры приятнее, образование качественнее, а религия более совершенная» [57]. В 1775–1783 гг. произошла американская революция, о чем Е. Морган сказал, что «...не нация родила революцию, а революция родила нацию» [54, 101].

По мнению Л. А. Колесовой, «в большинстве этноконфессиональных конфликтов проявляются естественные адаптационные кризисы тех социоэтнических групп, которые с наибольшей трудностью преодолевают проблемы совместимости в процессе образования наций» [21, 117]. Так или иначе и адаптивные моменты, и процессы сохранения самобытных культур этносов, входящих в нацию, зависят от политиков, которые призваны создавать политико-правовые основы общезития.

Правовое обеспечение по вертикали – важная составляющая, можно сказать, центробежная сила, способствующая прямому и продуктивному противостоянию негативному влиянию глобализации на этнокультуру. В истории есть немало примеров того, как проводимая на государственном уровне политика спровоцировала утрату этносами в составе нации родного языка. Такова, например, ситуация, описанная Дж. Ферри, когда король Сардинии Виктор-Эммануил II уступил графство Ницца императору Франции Наполеону III. **В конце XIX в. Третья респу-**

блика ввела обязательное школьное образование и постановила, что в школе должен использоваться только французский язык, следовательно, другие языки были лишены юридической силы [50, 433]. Как отмечает С. Каньоли, «статус языков в правовом государстве – это тонкое сочетание фундаментальных законов, законодательных и исполнительных актов, связанных с языковой политикой, образованием, и реальности, в которой существует множество нерегулируемых факторов» [48, 31].

Согласно Конституции РМ 1995 г., образование республики связано с проживанием на ее территории народа с одноименным названием. Государственными здесь являются мордовские и русский языки. Билингвизм содействует сохранению и развитию языка, традиционной культуры, образа жизни этноса, возвращает эрзянскому и мокшанскому языкам статус официальности, утраченный в результате многолетней русификации.

Сохранение языка, служащего, по мнению А. Д. Шмелёва, главным фактором этнической идентичности, должно стать основным вектором дальнейшего развития и прогрессивного движения всякого этноса. Почему? Язык непосредственно связан с образом мышления: «С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком и, с другой стороны, овладевая языком и, в частности значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, он сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [45, 12].

А. А. Гагаев и Н. В. Кудяева пришли к выводу, что «современная наука – естественная и гуманитарная, психология, культурология сосредоточены на всеобщих аспектах своих объектов и предметов. Даже категории “ценность” и “менталитет” анализируются как функции всеобщего, нежели самостоятельные, обще-уникальные этнокультурные субстраты» [12, 7].

В. И. Табаков отмечает: «Этнос – это потомки исторически наращивающихся уникальных предков, имеющие одну историческую судьбу, одну, понятную для всех речь, такую же культуру (т. е. одну и ту же историческую очеловеченность, а значит – и одни и те же фундаментальные ценности) и, поэтому, ощущающие и осознающие себя именно потомками общих предков» [36, 6]. Он выделяет следующие обязательные для любого этноса компоненты: «1) родственность (пусть и мнимая, легендарная, мифологическая); 2) непрерывность речи (словесности) предков, обеспечивающая понятость предков потомками; 3) одна судьба в истории; 4) ее безотчетное ощущение и осознание; 5) более или менее через ее (судьбы) осмысливание, обусловленное восприятием всего остального мира» [36, 8].

Исследователь мордовского менталитета, этнограф Н. Н. Оглоблин пишет: «В характере мордвы невольно наблюдается какое-то горделивое спокойствие, порядочность и сдержанность, полная сознания своего собственного достоинства и чуждая всякого рода выходок, резкостей, крайностей» [26, 3]. У мордвы специфично все – музыка, танцы, костюм, кухня. Ряд ученых МГУ им. Н. П. Огарёва, которые не просто изучают, но и популяризируют этнокультуру, можно назвать ее «хранителями»: А. Г. Бурнаева, посвятившего себя исследованию истории мордовского танца; Н. И. Бояркина, внесшего существенный вклад в развитие музыкального искусства, народного пения; В. С. Брыжинского, отдавшего много сил возрождению народного театра мордвы; Н. Ф. Мокшина, известного этнографа и финно-угроведа.

Несомненно, популяризация национальной культуры должна стать первоочередной задачей, но и здесь важно не перестараться. В отдельных случаях мнения ученых (исходя из этических соображений мы не называем имен) усиливают культурную дифференциацию, порождая определенного рода проблемы межэтнического взаимодействия. Имеют место возвышение одного этноса над другими

(на основании степени развитости), культурная унификация, что ведет не к консолидации общества, а, наоборот, к его разрозненности.

Кроме того, на пути выработки стратегии устойчивого развития России и Мордовии в условиях глобализма возникает серьезное препятствие в виде противоречия между федерализмом, обычно понимаемым как равенство регионов, и специфичностью субъектов Российской Федерации. По экономическому, геополитическому и прочим параметрам они контрастны. На наш взгляд, процветание России сегодня прямо зависит от успешности ее регионального развития.

К. Омае оперирует понятием «глобализированный район», которое мы считаем ключевым при выборе действенных способов встраивания Мордовии в глобализированный мир. Глобальные направления развития, проявляясь в определенном аспекте (экономическом, политическом, культурном) в конкретном регионе, вне зависимости от страны и места ее расположения, могут привести в его формирование специфику, что позволит ему стать глокальным. Предложенное Р. Робертсоном для обозначения указанных выше тенденций понятие «глокализация» соединяет в себе значения терминов «интернациональное», «транснациональное», «трансрегиональное», «транскультурное».

Регионализация становится важнейшим трендом современного миропорядка. К. Омае обратил внимание на то, что в конце XX в. на экономической карте мира значимость той или иной страны определялась теми ее регионами, которые смогли сделаться узлами, связавшими мировые потоки товаров, финансов, технологий, информации, людей и культур. Данная концептуальная установка, на наш взгляд, должна быть положена в основу лояльных, гибких программ безболезненного вхождения мордвы в становящийся глобальный мир, направленных не на разрушение и унификацию этнокультуры, а на ее превращение в мегаузел, способный сделать регион глокальным. Мордовия вполне может стать центром финно-

угорского мира, тем более в этом направлении имеются определенные достижения.

На рубеже XX–XXI столетий, по убеждению большинства ученых, глобализация и регионализация превратились в части единого процесса. Согласно другой точке зрения, эти явления существуют параллельно и между ними есть серьезные различия. Мы занимаем компромиссную позицию и следуем формуле: «Мыслить глобально, но действовать локально».

То, что глобализация превратилась в ведущую тенденцию цивилизационного развития, а ее основными агентами выступают не столько государства, сколько наднациональные акторы – банки, всемирные и международные организации, существенно влияет на формирование духовно-концептуального феномена, который может именоваться национальной идеей. У мордовского этноса и русской нации нет такого концепта, способного выполнить консолидирующую функцию и повысить уровень позитивного национального самосознания. США предложили идею «всеобщей демократии», Китай – «сообщество общих судеб», чем может ответить Россия?

Заключение

Современное общество предлагает человеку разнообразные основания для самоопределения, в том числе совершенно не характерные для предыдущих поколений. Возникают новые молодежные субкультуры: эмо, готы, интернет-сообщества и т. д. Однако никто не отменял первичные основы самоидентификации – гендерные, семейные, этнические. В то же время процессы глобализации и интеграции, нацеленные на изменение парадигмы развития человечества в целом и каждого отдельно взятого человека, провоцируют неоднозначные общественные реакции.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что у большей части опрошенных студентов низкая потребность в этнической принадлежности. Молодежь не знает ни родного язы-

ка, ни национальной культуры. Основываясь на выделяемых Т. Г. Стефаненко двух типах этнического самоопределения (позитивный и негативный) [34], можно констатировать, что в республике преобладает второй тип. Для переориентации на первый необходимо формировать у детей, подростков и студенческой молодежи (именно эти три возраста многие исследователи рассматривают в качестве главных этапов развития национального самосознания) соответствующие чувства, особенно патриотизм и гордость за достижения родного этноса, а также социально-психологические установки на удовлетворенность индивида своим вхождением в этническую общность, желание принадлежать ей.

Невысокая степень значимости национальности, этнонигилизм, национальная индифферентность мордовской молодежи имеют конкретные причины: русификация, проводимая СССР; гегемония США и вестернизация, которые также внесли вклад в депопуляцию этносов и наций на всей планете. По мнению З. Бжезинского, «культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи; что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире» [6, 211]. Он прогнозирует установление мирового американского господства.

Размышления о миссии мирового лидера заставили когда-то США заняться разработкой теоретического обоснования своей гегемонии. Ключевым для этих изысканий стал термин «современное государство» (*modern state*). Один из отцов-основателей данной концепции Эдвард Шилз отмечал, что здесь «современное» значит «эгалитарное, научное, экономически продвинутое и суверенное». Это государство всеобщего благосостояния, обязательно демократическое. Глобализация добавила к такому определению космополитичность, мобильность, охрану окружающей среды, стремление к переменам, сложное разде-

ление труда. Идея модернизации отстающих стран стала воплощаться в жизнь и в настоящее время эволюционировала до глобализации. Насаждение всеобщей демократии подкрепляется силовыми методами. Поэтому неудивительно распространение мнения о том, что агрессивно навязанные другим цивилизациям планеты элементы американской модели развития уничтожают их самобытный исторический путь.

Китай, который политики называют «экономическим гигантом и политическим карликом», в качестве приоритета национального развития выдвинул идею «сообщества общих судеб», за основу которой взята философия Э. Ренана. Ее суть в том, что народы не объединяются исключительно по этническому или культурному признакам; в большей степени они глубоко ощущают свою общность, и прежде всего их роднит чувство единой судьбы. Национальная идея, по мнению Э. Ренана, держится на двух столпах: один отражает связь с прошлым (наличие воспоминаний, богатое историческое наследие), другой обращен к настоящему (желание быть вместе, ценить и хранить общее прошлое, его артефакты). В прошлом – наследие славы и сопротивление распаду. Выполнение этой же программы должно быть и в будущем [37, 88].

Когда-то торговые караваны, следовавшие с Востока на Запад, соединили социально-культурными узами определенные цивилизации в так называемый Шелковый путь. Сегодня, в условиях глобального мира, Си Цзиньпин делает ставку на возрождение именно тех естественных связей между народами, которые и есть «сообщество общих судеб», комплементарное к Китаю пространство, находящееся в орбите его влияния. Однако, как подчеркивает авторитетный российский китаевед А. Маслов, Россия в данное сообщество не входит, и это добавляет интриги. Китай и Россия пытаются разделить сферу влияния в Центральной Азии, отражением чего можно считать концепт «сопряжения интересов» Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Всемирный саммит Организации Объединенных Наций в Йоханнесбурге в 2002 г. поставил задачу переориентировать глобализацию на устойчивое развитие, т. е. на сохранение биосферы и человеческой цивилизации. Формирование национальной идеи не может быть изолировано от явлений, порожденных глобализацией. Важно выделить те из них, которые имеют специфику в российском исполнении. С переходом к устойчивому развитию наступает эпоха планетарной конвергенции стран и других субъектов мирового процесса, находящихся на различных уровнях развития. Сегодня экономическая глобализация подвергнута критике, на первый план выдвигается идеологический критерий. А. А. Зиновьев утверждал, что «...задача идеологии – приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-либо явлениях и сообразно этому поступать» [17, 13]. Подобные мировоззренческие основания должны обязательно присутствовать в стратегии развития любого государства или региона для встраивания в глобальный мир.

Американской теории «современного государства» и китайской концепции «сообщества общих судеб» Россия, как нам кажется, могла бы противопоставить выдвинутую В. И. Вернадским идею становления ноосферы [10] как генеральное направление дальнейшего развития человечества, которое должно рационализировать цивилизационный процесс. В. И. Вернадский предсказывал, что создание ноосферы рано или поздно станет целью государственной политики. Тем более Россия опережает мировой уровень исследований в области ноосферогенеза.

Успешность развития Российской Федерации также во многом зависит от процветания ее субъектов и превращения их в трансграничные, глобализированные регионы. В настоящее время процессы, ведущие к их образованию, чаще всего называют глокализацией. В России таковые уже есть. К. Омае к ним относит Москву, Санкт-Петербург (как «окно в Европу»), комплекс краснодарских портов, Владивосток (как «окно в Азиатско-

Тихоокеанский регион»). Для других регионов должны быть созданы экономические, политические или культурные условия, ибо исторические традиции, опыт взаимодействия в прошлом тех или иных народов и цивилизаций являются естественным фундаментом трансграничного сотрудничества. И если крупнейшим деловым транзитным хабом Центрально-Азиатского региона, своеобразным мостом между Европой и Азией, должен стать, по задумке китайского и других лидеров, Казахстан, то Мордовия вполне может претендовать на статус меганузла финно-угорского мира. На наш взгляд, подход «стабильность через совместное развитие» выступает самой привлекательной формой международного сотрудничества. В связи с этим нужна вза-

имная со всеми финно-угорскими этносами стратегическая координация подобной макрорегиональной кооперации.

Трансграничное сотрудничество может принимать различные состояния в зависимости от эволюционной зрелости государства или иного субъекта международных отношений. Простейший вариант такого сотрудничества – локальные приграничные контакты. Другая форма – взаимодействие территориальных политических образований. Третий вариант предполагает налаживание контактов между субъектами разных уровней при опоре на узлы «ячеистой» сети глобальных связей, минуя территориальные размежевания. Трансграничное сотрудничество – перспективное направление международной интеграции в глобальный мир.

Поступила 20.04.2017, опубликована 12.03.2018

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Мегафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 74.
2. Бардалеева Е. В. Концептуальные подходы исследования глобализации в понимании зарубежных ученых // Актуальные проблемы экономической теории и мировой экономики. Санкт-Петербург: Знание, 2007.
3. Барлыбаев Х. А. Путь человечества: самоуничтожение или устойчивое развитие / Комиссия Госдумы по устойчивому развитию. Москва, 2001. 228 с.
4. Белл Д., Инноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Москва, 1990. С. 43–48.
6. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Междунар. отношения, 2004. 592 с.
7. Болотина Е. В. Концептуальные подходы исследования глобализации // Научный вестник ДГМА. 2014. № 3. С. 155–161.
8. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. Москва: Гнозис, 1996. 416 с.
9. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983. 412 с.
10. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. Москва: Наука, 1991. 261 с.
11. Вундт В. Фантазия как основа искусства / пер. с нем. Л. А. Зандера. 2-е изд. Москва: ЛИБРОКОМ, 2010. 146 с.
12. Гагаев А. А., Кудяева Н. В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск: ОАО «Рузаевский печатник», 2009. 614 с.
13. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1970. 127 с.
14. Горбачев М. С. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. Москва: Либеральная миссия, 2003. 592 с.
15. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва: АСТ, 2001. 462 с.
16. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. Москва: ИНФРА-М, 2003. 768 с.
17. Зиновьев А. А. Философия как часть идеологии // Гос. служба. 2002. № 3. С. 12–21.
18. Инноземцев В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 81–88.
19. Кирпичников А. Обстоятельства зарождения: исторические данные о 1150-летию российской государственности // Родина. 2011. № 4. С. 73–75.
20. Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111.
21. Колесова Л. А. Причины современных межэтнических и межконфессиональных конфликтов // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 117–120.

22. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литературы народов Поволжья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2009. 54 с.
23. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. 390 с.
24. Лашук Л. П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 77–92.
25. Мамедов Н. М. Глобализация как современное состояние общественного развития // Эпоха глобальных перемен (опыт философского осмысления). Москва, 2004. С. 41–49.
26. Оглоблин Н. Н. В мордовском краю // Маторова. 2000. № 6/7 (9/10). С. 3.
27. Омае К. Упадок национального государства: становление региональных экономик. Москва: Европа, 2009. 336 с.
28. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Москва: АСТ, 2002. 347 с.
29. Панарин А. С. Искушение глобализмом. Москва: Эксмо, 2003. 416 с.
30. Робертсон Р. Дискурсы глобализации: предварительные размышления // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 215–218.
31. Самохвалова В. И. Глобализация и неозычиство // Полигнозис. 2001. № 2. С. 118–126.
32. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998. 246 с.
33. Стефаненко Т. Г. Этническое самосознание, этничность, этническая идентичность – соотношение и содержание понятий // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. 29 мая 2008 г. / отв. ред. В. В. Грищенко. Смоленск, 2008. Т. 2. С. 172–182.
34. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: практикум. Москва: Аспект Пресс, 2006. 320 с.
35. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Москва: Мысль, 2003. 300 с.
36. Табаков В. И. Держава суверенных народов как решение национального вопроса в полиэтнической стране // Межэтнические отношения и национальная политика в современной России: стратегии гражданского единства и межнационального согласия: материалы всерос. науч. конф. Саранск, 15–16 окт. 2015 г. Саранск, 2015. С. 5–18.
37. Трубецкой С. Н. Ренан и его философия // Русская мысль. 1898. № 3, кн. III. С. 86–121.
38. Тургенева О. Ю. К вопросу о социальном конформизме в условиях постсоветского общества // Актуальные вопросы общественных наук – социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2016. С. 145–149.
39. Фрейтаг Г. Картины из прошлого Германии. Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1913.
40. Фромм Э. Здоровое общество / пер. с англ. Т. В. Банкетовой. Москва: АСТ, 2009. 544 с.
41. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва: АСТ, 2004. 592 с.
42. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 235 с.
43. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–109.
44. Шинковский М. Ю. Глобализация как предмет научного исследования // Вестник ТГЭУ «Человек, общество, цивилизация». 2007. № 4. С. 66.
45. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
46. Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 156 с.
47. Bauman Z., Tester K. Conversation with Zygmunt Bauman. Cambridge: Polity Press, 2001. 165 p.
48. Cagnoli S. Bilingualism in the Komi and Nisart Theaters: Nebdinsa Vittory and Francis Gag // Finno-Ugric World. 2011. № 2/3. P. 30–33.
49. Estes C. P. Women who run with the wolves. Myths and Stories of the Wild Woman Archetype. New York: Ballantine books, 2004. 584 p.
50. Farry J. Reglements scolaire modele pour server a la redaction des reglements departementaux relatives aux ecoles primaires publiques. Arrete ministerill du 7 juin 1880 // Journal des instituteurs. 1880. 24, 13 juin. P. 433–434.
51. Heinemann-Gruder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation // C. Ross, A. Campbell (eds). London; New York, 2009. P. 54–81.
52. Hughes J. Managing Secession Potential in the Russian Federation // Regional & Federal Studies. 2001. Vol. 11 (3). P. 36–68.
53. Luttwak E. The Endangered American Dream: How to Stop the Unites States from Becoming a Third-World Counrty land How to Win a Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York: Simon & Schuster, 1993. 365 p.
54. Morgan E. S. The Birth of Republic 1763–1789. New York: University of Chicago press, 1993. 224 p.
55. Peccei A. The Chasm Ahead. New York: Macmillan, 1969.
56. Phinney J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. Albany, 1993. P. 61–79.
57. The Adams Papers from the founding generation. Available from: <http://rotunda.upress>.

IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE SELF-AWARENESS OF THE MORDOVIANS

Shkolkina Irina N.,

Candidate Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), shkolkinain1971@gmail.com

Introduction. The relevance of the article is determined by the fact that today the traditional, original, unique Mordovian culture with its original material and spiritual values falls under the influence of globalization which can be opposed only in the reasonable. The purpose of this study is to study the impact of globalization on the Mordovian self-awareness. The object of the work is Mordovian self-awareness, the subject is the impact of globalization.

Materials and Methods. To determine the impact of globalization on the ethnic identity of the Mordovians, a sociological survey was conducted. Its subjects were first-year students of the Institute of National Culture of Ogarev Mordovia State University. To assess their ethnic identity, it used the test "Ethnic affiliation" by G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova, J. Finney's technique, and the methods of classification of ethnic self-consciousness by V. Yu. Khotinets. Since the level of ethnic self-awareness among the young people proved to be below average, an analytical method of research was used to show the reasons for this state of affairs.

Results and Discussion. Having studied the history of the Mordovian ethnos, we came to the conclusion that it has undergone various metamorphoses: from the rooting to the Russification. The latter had a serious impact on the mother tongue of the Mordovian population. Before the beginning of globalization the ethnos fell under the impact of integration processes. After the collapse of the USSR, the bilingualism returned, and political and legal bases for preserving national specificity of Mordovian culture were created. Now it is important to direct the development of the Mordovian ethnos along the path of glocalization.

Conclusions. The process of globalization changing the paradigm of the development of mankind provokes ambiguous reactions in the representatives of the Mordovian ethnos from ethnoegism, ethno-isolationism to ethno-nihilism and national indifference. We need a national idea capable of awakening feelings of patriotism and pride for our ethnos. The emphasis must be made on the glacialization of Mordovia and its transformation into a transboundary region.

Key words: globalization; Mass culture; ethnic identification; ethnic self-awareness; national spirit; mentality; Mordovian culture; linguistic picture of the world; glocalization.

For citation: Shkolkina IN. Vliianie globalizatsii na samosoznanie mordvy [Impact of globalization on the self-awareness of the Mordovians]. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017; 4: 107–124. (In Russian)

REFERENCES

1. Apresian VIu., Apresian IuD. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii [Metaphor in the Semantic Representation of Emotions]. *Voprosy iazykoznaviia* = Questions of Linguistics. 1993; 3: 74. (In Russian)
2. Bardaleeva EV. Kontseptual'nye podkhody issledovaniia globalizatsii v ponimanii zaru-bezhnykh uchenykh [Conceptual approaches to the study of globalization in the understanding of international researchers]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoi teorii i mirovoi ekonomiki* = Actual problems of economic theory and the world economy. Sankt-Peterburg; 2007. (In Russian)
3. Barlybaev KhA. Put' chelovechestva: samounichtozhenie ili ustoichivoe razvitiie [The path of humanity: self-destruction or sustainable development]. Moskva; 2001. (In Russian)
4. Bell D, Inozemtsev VL. Epokha razobshchtnosti: razmyshleniia o mire XXI veka [The Epoch of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century]. Moskva; 2007. (In Russian)
5. Berdiaev NA. Russkaia ideia: osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian idea: the main problems of the thought of the XIX century and the beginning of the XX century]. *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture* = On Russia and Russian philosophical culture. Moskva; 1990: 43–48. (In Russian)
6. Bzhezinskii Z. Vybor: mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice: world domination or global leadership]. Moskva; 2004. (In Russian)
7. Bolotina EV. Kontseptual'nye podkhody issledovaniia globalizatsii [Conceptual approaches to the study of globalization]. *Nauchnyi vestnik DGMA* = Scientific Bulletin of the DSEA. 2014; 3: 155–161. (In Russian)
8. Borodai IuM. Erotika – smert' – tabu: trage-diia chelovecheskogo soznaniia [Erotica –

- death – taboo: the tragedy of human consciousness]. Moskva; 1996. (In Russian)
9. Bromlei IuV. Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moskva; 1983. (In Russian)
 10. Vernadskii VI. Nauchnaia mysl' kak planetarnoe iavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moskva; 1991. (In Russian)
 11. Vundt V. Fantaziia kak osnova iskusstva [Fantasy as the basis of art]. Moskva; 2010. (In Russian)
 12. Gagaev AA, Kudaeva NV. Ugro-finskii kosmo-psikho-logos [The Ugro-Finnish cosmo-psycho-logos]. Saransk; 2009. (In Russian)
 13. Gening VF. Etnicheskii protsess v pervobytnosti [Ethnic process in primitive]. Sverdlovsk; 1970. (In Russian)
 14. Gogrbachev MS. Grani globalizatsii: trudnye voprosy sovremennogo razvitiia [Limits of globalization: challenges of modern development]. Moskva; 2003. (In Russian)
 15. Gumilev LN. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moskva; 2001. (In Russian)
 16. Delyagin MG. Mirovoi krizis: obshchaia teoriia globalizatsii [The global crisis: the general theory of globalization]. Moskva; 2003. (In Russian)
 17. Zinov'ev AA. Filosofii kak chast' ideologii [Philosophy as part of ideology]. *Gos. sluzhba* = State service. 2002; 3: 12–21. (In Russian)
 18. Inozemtsev VL. Globalizatsiia: illiuzii i real'nost' [Globalization: illusions and reality]. *Svobodnaia mysl'* = Free thought. 2000; 1: 81–88. (In Russian)
 19. Kirpichnikov A. Obstoiatel'stva zarozhdeniia: istoricheskie dannye o 1150-letii rossiiskoi gosudarstvennosti [Circumstances of the origin, historical data on the 1150th anniversary of the Russian statehood]. *Rodina* = Homeland. 2011; 4: 73–75. (In Russian)
 20. Kozlov VI. O poniatii etnicheskoi obshchnosti [On the concept of ethnic community]. *Sovetskaia etnografiia* = Soviet Ethnography. 1967; 2: 100–111. (In Russian)
 21. Kolesova LA. Prichiny sovremennykh mezhetnicheskikh i mezhkonal'nykh konfliktov [Causes of modern interethnic and interconfessional conflicts]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Modernity. 1992; 4: 117–120. (In Russian)
 22. Kudriavtseva RA. Genesis i dinamika poetiki mariiskogo rasskaza v kontekste literatury narodov Povolzh'ia: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Genesis and dynamics of the poetics of the Mari story in the context of the literature of the peoples of the Volga region. Abstract of dis. ... Ph. D. philol. sci.]. Cheboksary; 2009. (In Russian)
 23. Lallukka S. Vostochno-finskii narody Rossii. Analiz etnodemograficheskikh protsessov [The East-Finnish peoples of Russia. Analysis of ethno-demographic processes]. Sankt-Peterburg; 1997. (In Russian)
 24. Lashuk LP. O formakh donatsional'nykh etnicheskikh svyazei [On the forms of pre-national ethnic bonds]. *Voprosy istorii* = Questions of history. 1967; 4: 77–92. (In Russian)
 25. Mamedov NM. Globalizatsiia kak sovremennoe sostoianie obshchestvennogo razvitiia [Globalization as a modern state of social development]. *Epokha global'nykh peremennostei (opyt filosofskogo osmysleniia)* = The era of global change (the experience of philosophical reflection). Moskva; 2004: 41–49. (In Russian)
 26. Ogloblin NN. V mordovskom kraiu [In the Mordovian Territory]. *Mastorava*. 2000; 6/7 (9/10): 3. (In Russian)
 27. Omae K. Upadok natsional'nogo gosudarstva: stanovlenie regional'nykh ekonomik [The Decline of the National State: the Formation of Regional Economies]. Moskva; 2009. (In Russian)
 28. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [The Upcoming of the Masses]. Moskva; 2002. (In Russian)
 29. Panarin AS. Iskushenie globalizmom [Temptation of Globalism]. Moskva; 2003. (In Russian)
 30. Robertson R. Diskursy globalizatsii: predvaritel'nye razmyshleniia [Discourses of Globalization: Preliminary Reflections]. *Rossia i sovremennyi mir* = Russia and Modern World. 2001; 1: 215–218. (In Russian)
 31. Samokhvalova VI. Globalizatsiia i neozhchestvo [Globalization and Neo-Paganism]. *Polignozis*. 2001; 2: 118–126. (In Russian)
 32. Soldatova GU. Psikhologiiia mezhetnicheskoi napriazhennosti [The psychology of interethnic tension]. Moskva; 1998. (In Russian)
 33. Stefanenko TG. Etnicheskoe samosoznanie, etnichnost', etnicheskaia identichnost' – sootnoshenie i sodержanie poniatii [Ethical self-awareness, ethnicity, ethnic identity – correlation and content of concepts]. *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 29 maia 2008 g.* = Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology. Proceedings of International Conference, May 29, 2008. Smolensk, 2008: 2: 172–182. (In Russian)
 34. Stefanenko TG. Etnopsikhologiiia: praktikum [Ethnopsychology. Practical work]. Moskva; 2006. (In Russian)
 35. Stiglits Dzh. Globalizatsiia: trevozhnye tendentsii [Globalization: disturbing tendencies]. Moskva; 2003. (In Russian)
 36. Tabakov VI. Derzhava suverennykh narodov kak reshenie natsional'nogo voprosa v polietnicheskoi strane [Power of Sovereign Peoples as Solution to the national question in a polyethnic country]. *Mezhetnicheskii*

- otnosheniia i natsional'naia politika v sovremennoi Rossii: strategii grazhdanskogo edinstva i mezhnatsional'nogo soglasiia: materialy vseros. nauch. konf. Saransk, 15–16 okt. 2015 g.* = Inter-ethnic Relations and National Politics in Modern Russia: Strategies of Civil Unity and Interethnic Concord. Proceedings of All-Russian Conference, Saransk, October 15–16. 2015. Saransk; 2015: 5–18. (In Russian)
37. Trubetskoi SN. Renan i ego filosofii [Renan and his philosophy]. *Russkaia mysl'* = Russian Thought. 1898; 3; 3: 86–121. (In Russian)
 38. Turgeneva OIu. K voprosu o sotsial'nom konformizme v usloviakh postsovetskogo obshchestva [On social conformism in the conditions of the post-Soviet society]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk – sotsiologii, politologii, filosofii, istorii: sb. st. po materialam VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Actual questions of social sciences-sociology, political science, philosophy, history. Collections of articles upon VII International Conference. Novosibirsk; 2016: 145–149. (In Russian)
 39. Freytag G. Kartiny iz proshlogo Germanii [Pictures from the past of Germany]. Sankt-Peterburg; 1913. (In Russian)
 40. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo [Healthy Society]. Moskva; 2009. (In Russian)
 41. Fukuiama F. Konets istorii i poslednii chelovek [The end of history and the last person]. Moskva; 2004. (In Russian)
 42. Khotinets VIu. Etnicheskoe samosoznanie [Ethnic self-awareness]. Sankt-Peterburg; 2000. (In Russian)
 43. Cheboksarov NN. Problemy tipologii etnicheskikh obshchestv v trudakh sovetskikh uchenykh [Problems of the Typology of Ethnic Communities in the Proceedings of Soviet Scientists]. *Sovetskaia etnografiia* = Soviet Ethnography. 1967; 4: 94–109. (In Russian)
 44. Shinkovskii MIu. Globalizatsiia kak predmet nauchnogo issledovaniia [Globalization as an Object of Scientific Research]. *Vestnik TGEU «Chelovek, obshchestvo, tsivilizatsiia»* = Vestnik TSUE “Man, Society, Civilization”. 2007; 4: 66. (In Russian)
 45. Shmelev AD. Russkaia iazykovaia model' mira: materialy k slovariui [Russian language model of the world. Dictionary materials]. Moskva; 2002. (In Russian)
 46. Iurchenkova NG. Mifologiiia v kul'turnom soznanii mordovskogo etnosa [Mythology in the cultural consciousness of the Mordovian ethnos]. Saransk; 2002. (In Russian)
 47. Bauman Z., Tester K. Conversation with Zygmunt Bauman. Cambridge; 2001. (In English)
 48. Cagnoli S. Bilingualism in the Komi and Nisart Theaters: Nebdinsa Vittory and Francis Gag. *Finno-Ugric world*. 2011; 2/3: 30–33. (In English)
 49. Estes C. P. Women who run with the wolves. Myths and Stories of the Wild Woman Archetype. New York; 2004. (In English)
 50. Farry J. Reglements scolaire modele pour server a la redaction des reglements departementaux relatives aux ecoles primaires publiques. Arrete ministeriell du 7 juin 1880. *Journal des instituteurs*. 1880; 24: 433–434. (In English)
 51. Heinemann-Gruder A. Federal discourses, minority rights, and conflict transformation. London; New York; 2009: 54–81. (In English)
 52. Hughes J. Managing Secession Potential in the Russian Federation. *Regional & Federal Studies*. 2001; 11 (3): 36–68. (In English)
 53. Luttwak E. The Endangered American Dream: How to Stop the United States from Becoming a Third-World Country and How to Win a Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York; 1993. (In English)
 54. Morgan E. S. The Birth of Republic 1763–1789. New York; 1993. (In English)
 55. Peccei A. The Chasm Ahead. New York; 1969. (In English)
 56. Phinney J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany; 1993: 73. (In English)
 57. The Adams Papers from the founding generation. Available from: <http://rotunda.upress.edu>. (In English)